

Микуленко Федор Алексеевич,
адъюнкт Военной ордена Жукова академии
войск национальной гвардии Российской
Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия),
198206, г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1,
email: famikulenko@sberbank.ru

Mikulenko, Fyodor A.,
Associate of the Military Order of Zhukov
of the Academy of the National Guard of the
Russian Federation (St. Petersburg, Russia),
1 Pilyutov Pilot Str., St. Petersburg,
198206, Russian Federation,
email: famikulenko@sberbank.ru

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В ТРАДИЦИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА (XVII–XIX ВВ.)

PROPERTY AS A VALUE IN THE TRADITION OF CLASSICAL PHILOSOPHY OF LAW (XVII–XIX CENTURIES)

АННОТАЦИЯ. Основные этапы классической философии права Нового времени – создание теории общественного договора Гоббсом и Локком, трансцендентальной дедукции права Кантом и Фихте, разработка Гегелем учения о праве и нравственности как духовных формах бытия – отмечены возрастающим пониманием принципиального отличия сферы человеческого бытия, подчиненного законам свободы, от сферы природного бытия. Когда система норм права и правовых институтов начинает пониматься не только как регулирующий механизм, в целом остающийся в рамках природного детерминизма, но и как явление «высшей нравственной идеи» (Гегель), она приобретает признаки системы ценностей. Особенно отчетливо это проявляется в учении Фихте и Гегеля о собственности. Для Фихте собственность выступает как ценность в качестве первого основоположения системы права, дедуцируемой из высшего единства «Я». Для Гегеля собственность на уровне «абстрактного права» имеет ценностное содержание, поскольку указывает на свободу личности как субъекта закрепленных в праве договорных отношений. Но это содержание собственности несет исключительно как свое внутреннее содержание, как «в-себе». Собственность определяется как ценность «для-себя» лишь тогда, когда личность раскрывается не только как субъект права, но и как субъект морали. Однако при этом обнаруживается и ограниченность ценностного потенциала института собственности. В сравнении с личностью и государством собственность имеет относительную, а не абсолютную ценность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, личность, нравственность, собственность, ценность, философия права, Гегель

ABSTRACT. The main stages of the classical philosophy of law of Modern times – the creation of the theory of the social contract by Hobbes and Locke, the transcendental deduction of law by Kant and Fichte, and the development by Hegel of the doctrine of law and morality as spiritual forms of being – are marked by an increasing understanding of the fundamental difference between the sphere of human existence, subject to the laws of freedom, and the sphere of natural existence. When a system of legal norms and legal institutions begins to be understood not only as a regulatory mechanism that generally remains within the framework of natural determinism, but also as a phenomenon of the “highest moral idea” (Hegel), it acquires the characteristics of a value system. This is especially evident in the teachings of Fichte and Hegel on property. For Fichte, property acts as a value as the first principle of the legal system, deduced from the supreme unity of the “I”. For Hegel, property at the level of “abstract law” has a value content, since it indicates the freedom of the individual as a subject of contractual relations enshrined in law. But property carries this content solely as its internal content, as an “in-itself”. Property is defined as a value “for oneself” only when a person is revealed not only as a subject of law, but also as a subject of morality. However, this reveals the limited value potential of the institution of property. In comparison with the individual and the state, property has relative rather than absolute value.

KEYWORDS: law, personality, morality, property, value, philosophy of law, Hegel

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Микуленко, Ф. А. Собственность как ценность в традиции классической философии права (XVII–XIX вв.) / Ф. А. Микуленко. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 106–112. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-16

FOR CITATION:

Mikulenko, F. A. (2025) Property as a Value in the Tradition of Classical Philosophy of Law (XVII–XIX Centuries). *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 106–112 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-16

В традиции классической философии права понятие собственности формируется в дискурсе понятийных полей этического и юридического характера. Именно их взаимосвязь определяет не только нравственно-правовое, но и аксиологическое значение этой категории. И это позволяет понять, почему право и правовые отношения не сводятся только к государственному насилию, но напротив – являются актуализацией свободы личности: «Свободный человек относится к праву как к “своему иному”, воспринимает его не как внешнюю чужую силу, а как собственную ценность, разрушать которую неправомерным поведением недопустимо. И эта недопустимость задается ему основаниями, несравненно более высокими, чем плоский прагматизм или страх перед силой государства» [6, с. 323].

Однако аксиологическое понимание права в целом и его отдельных категорий в частности, включая и категорию собственности, является результатом длительного процесса развития философско-правовой мысли. Так, для Т. Гоббса социально-правовые отношения не связаны с переходом от сферы природы к более высокому уровню бытия. Их законы определены формами природного детерминизма и по сути являются законами механических отношений, воспроизводимых в формах столь же механистического мышления.

Как известно, философы права Нового времени исходили из того, что человек по природе своей зол. Это положение стало исходным для построения всей системы политической философии Гоббса. Оставаясь в рамках чисто природных отношений, человек обречен на бесконечную войну всех против всех. Однако разум и воля человека позволяют ему создать такую конструкцию, которая позволяет ему избежать этого состояния: «Именно люди производят те институты, благодаря которым возможно установление права. Всеобщность законов возможна лишь благодаря утверждению этой все-

объединяющей воли» [21, с. 101]. Тем самым закладывались основы того, что современный исследователь назвал «антропный принцип» происхождения и сущности социальных отношений, включая отношения собственности [10]. Однако и разум, и волю человека Гоббс понимал еще совершенно механистически. Поэтому и механизм разрешения бесконечного социального конфликта – общественный договор – не представлял собой более высокой формы бытия, чем явления природы.

Дж. Локк также относит право собственности к естественным, т. е. к природным, правам человека. Социальная защита этих прав со стороны гражданского общества и государства по сути своей является всего лишь продуктом целенаправленного усложнения механизмов природного взаимодействия. Комментируя учение Локка о собственности, О. А. Короткова и И. А. Овчинникова справедливо отмечают: «Концепция “естественного состояния” Дж. Локка находит свое отражение во взглядах философа на частную собственность, как на право “естественное”. Право частной собственности, будучи естественным правом, ограничивается способностями самого человека к использованию результата своего труда. Труд признается наиважнейшим признаком, дающим право на присвоение объекта из общего владения, а рациональное использование, исключаящее порчу вещей, не нарушает права других людей и, как следствие, подтверждает владение» [9, с. 119]. Хотя в области механических отношений природы нет места тому, что можно назвать ценностью, все же мы можем отметить, что Гоббс и Локк связывают отношения собственности с той сферой, которая единственно и может быть носителем ценностных смыслов, а именно – со сферой, развитой из «антропного принципа».

Понимание того, что «антропный принцип» дедукции права, выдвинутый Гоббсом и Локком, означает отсылку к более высокой сфере бытия, чем природа, достигается только в фи-

лософии права И. Канта. Это стало результатом систематического развития понятия свободы, с которым основоположник немецкой классической философии И. Кант связывал бытие человека, законы которого он противопоставлял именно каузальности природы [8, с. 68–69]. Социальное бытие человека возможно, по Канту, в силу сочетания начал свободы и разума, которые дают человеку высший нравственный закон, из которого, в свою очередь, дедуцируются нормы морали, а потом и права.

Понятие собственности не является главной категорией учения Канта о праве, тем не менее «он сформулировал ряд фундаментальных идей о правах, а, следовательно, и о правах собственности. Кант подводит нас к существованию проблемы, когда замечает, что права – это не осязаемые эмпирические (*possessio phenomēna*), а умопостигаемые реалии (*possessio noumena*)» [1, с. 49]. Этим достигается понимание того, что собственность по сути своей не относится к области чувственно воспринимаемых вещей. Она вообще не вещь, а по сути своей – социальное отношение, реализующее наиболее фундаментальное основание бытия человека – его субстанциальную свободу, имеющую высшее ценностное измерение как дар Бога человеку. Кант при этом совершенно справедливо отказывается признавать сущность свободы рационально постигаемой. Ведь она, действительно, недоступна пониманию новоевропейского «*ratio*», а Кант знает разум только в этой форме.

Потребовался новый уровень развития метода познания, чтобы суметь выразить содержание понятия свободы. Но этот уровень достигался Фихте и Гегелем все же в опоре на наследие Канта. И именно Кант впервые связал правовые отношения и среди них отношение собственности с той областью бытия, которая существует не только как сфера сущностей, но и как сфера смыслов и ценностей. Именно эту сторону кантовской философии права, еще не вполне отчетливо выраженную автором «Критики практического разума», уловили на рубеже XX столетия правоведы-неокантианцы, сделав «отношение к ценности» основой своей модели права [12]. «С точки зрения неокантианства право – культурное явление, культурное “благо”», – отмечает Е. А. Фролова [20, с. 25–26].

И. Г. Фихте развил кантовское понятие свободы тем, что разработал трансцендентальный

метод рефлексии, адекватный его теоретическому изображению [7, с. 101–102]. В соответствии с этим методом он в своей работе «Основа естественного права согласно принципам наукоучения» дедуцировал нормы морали и нормы права как самостоятельные и независимые друг от друга регулирующие системы, хотя и не противоречащие друг другу, в силу их единства в высшем тождестве самосознания, в «Я» [14].

Фихте первоначально доказывает необходимость деления единого абсолютного трансцендентального «Я» на множество единичных эмпирических самосознаний. Тем самым обосновывается единая всеобщая природа людей, позволяющая им понимать друг друга и согласовывать друг с другом свою волю. Следующим шагом является выведение основных форм такого согласования воли. И первой формой здесь выступает как раз договор о собственности, поскольку именно отношение собственности, по Фихте, непосредственно связано с началом субстанциальной свободы: «Насколько, следовательно, простирается признанная за ним свобода, настолько же, и не далее, простирается его право собственности на объекты» [19, с. 183].

Из договора о собственности, в свою очередь, Фихте выводит всю систему форм договорных отношений, которая, собственно, и составляет право: «Договор о собственности вообще служит основанием правоотношения каждого отдельного человека со всеми отдельными людьми в государстве, а следовательно, составляет основу того, что называют гражданским законодательством, гражданским правом и т. д.» [19, с. 183]. Таким образом, собственность имеет в философии права Фихте безусловную ценностную природу, поскольку она, во-первых, сущностно связана со свободой – высшей ценностью, а, во-вторых, сами отношения собственности являются основой права. Получается буквально, что без собственности нет права.

Следующий, и решающий, шаг в развитии метода понимания сущности и смысла бытия человека, общества и права, а значит, и решающий шаг в понимании ценностной природы собственности, был сделан Г. В. Ф. Гегелем. Нужно отметить, что в целом Гегель разделял точку зрения философов Нового времени о

«злой» сущности человека [3, с. 266–267], хотя и трактовал эту сущность с гораздо более высокой позиции, чем у авторов XVII–XVIII вв. А именно: связывая «зло» человека с его природным, непосредственным, началом, которое, однако, человек должен преодолеть в процессе своего саморазвития и своего возвышения до уровня духовного бытия.

Понятие духа как философской категории, имевшее в контексте немецкого идеализма лишь косвенное отношение к исторически сложившимся теологическим смыслам [11, с. 58], было собственно гегелевским нововведением [18, с. 51]. Гегель, конструируя понятие духа, развивает то содержание, которое было заложено в фихтевском понятии свободы, одновременно сопрягая его с античной идеей всеобщего единства мироздания [5, с. 180–181].

Идея свободы как сущности бытия человека реализуется, согласно Гегелю, на трех основных уровнях социального взаимодействия. Первый уровень – собственно правовой (Гегель определяет его как сферу «абстрактного права»). Второй уровень – уровень морали. Третий уровень Гегель определяет как уровень нравственности. Здесь нужно иметь в виду, что нравственность он понимает предельно широко, как единство всех форм социальных отношений при условии их рефлексированности и, говоря современным языком, институционализированности. Сфера нравственности включает в себя и человека как личность, осознающую свою свободу и реализующую ее в рамках морально-правовых норм, и гражданское общество, и, что особенно важно, государство. «Государство не механизм, – писал Гегель, – а разумная жизнь самосознающей свободы, система нравственного мира» [2, с. 99].

На этом уровне развития духа каждый из его объективных моментов существует в сопряженности с бытием личности, а именно: как объективно значимый для нее момент, что, собственно, и позволяет определить его как ценность, ведь «ценностное измерение институтов гражданского общества, государства, права закладывается их трактовкой классиками в качестве способов проявления высшей нравственной идеи, которая входит во внутреннее содержание личности человека, его живой индивидуальности. Само понятие ценности не является этически нейтральным. Оно

предполагает отношение к идее абсолютного добра как к объективному ориентиру практического действия» [13, с. 20], поэтому в понятии ценности связываются воедино понятие абсолютного, понятия субъективного и объективного, понятие свободы, понятие разума [15, с. 189]. Сфера нравственности в силу своей полноты является самым многосторонним и конкретным определением объективного духа. Значит, сфера абстрактного права и сфера морали должны рассматриваться как ее абстрактные моменты, а потому вторичные по отношению к нравственности. Но в силу особенностей гегелевского метода, то, что является поистине первым, т. е. конкретное, еще должно проявить себя в качестве такового. Поэтому первый момент, которым отмечено начало гегелевской философии права, собственно, и представляет собой абстракцию. Его Гегель так и называет – «абстрактное право».

Как и у Фихте, у Гегеля абстрактное право раскрывает себя посредством отнесения к договору, предметом которого является собственность. Однако праву еще только предстоит выявить и объективировать свою нравственную природу. Поэтому и ценностное измерение его основных категорий, включая категорию собственности, не лежит на поверхности, не является непосредственным, а раскрывается по мере того, как вся область права определяется в ее нравственном измерении.

Исходным пунктом философии права Гегеля является понятие личности [17]. Свою природу в качестве субъекта права личность раскрывает в интересубъективном отношении, т. е. в акте признания другого человека как свободного и равного ему субъекта, посредством чего человек раскрывает в себе самом свое всеобщее духовное содержание: «Всеобщность этой для себя свободной воли есть формальное, самознательное, в остальном лишенное содержания простое соотношение с собой в своей единичности, тем самым субъект есть лицо (Person). В личности заключено, что я в качестве этого представляю собой полностью определенное во всех аспектах (во внутреннем произволе, влечении, вожделении, равно как и по непосредственному внешнему наличному бытию) и конечное, однако совершенно чистое соотношение с собой и тем самым знаю себя в конечности бесконечным, всеобщим и свободным» [2, с. 97].

Однако это отношение «признания» не положено с самого начала. Оно существует как бы «за спиной» самой личности, воспроизводя себя в последовательности единичных актов признания другого. Но каждый из этих актов еще не раскрывает всей глубины взаимного отношения личностей. Эта «внешность» отношений субъектов абстрактного права друг к другу проявлялся в том, что объект их отношения всегда выступает в чувственно-отчужденной форме, т. е. как вещь. Вещь, в которую вложена воля взаимного признания двух субъектов, и определяется Гегелем как собственность [2, с. 106–107], фиксируемая в форме договора между двумя субъектами права [2, с. 93].

Поэтому, по Гегелю, человек может быть действительным субъектом права лишь через отношение к собственности. В этом отношении объективно проявляется его социальная, сверхсубъективная, сущность. «Разумность собственности, – писал философ, – заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум. Даже если первая реальность моей свободы находится во внешней вещи, тем самым есть дурная реальность, но ведь абстрактная личность именно в ее непосредственности не может иметь иное наличное бытие, чем наличное бытие в определении непосредственности» [2, с. 100]. Вступая в отношения собственности, человек осознает себя как личность [1, с. 329].

Когда признание полагается и осознается личностью как первичное, человек уже не нуждается в его подтверждении через многообразии постоянно возобновляемых единичных актов признания. Это отношение для него, поэтому не должно быть опосредовано вещью. Здесь в каждом единичном акте взаимодействия с другим являет себя вся глубина и вся полнота человеческой природы, каждое мгновение такого отношения значимо и ценно. Это именно и составляет сущность моральных отношений, отношений, в основе которых лежит любовь и которые обнаруживают поэтому действительное единство всеобщего и единичного. Здесь уже нет необходимости в опосредствовании отношений через форму договора. Напротив, Гегель прямо говорит о том, что там, где форма юридического договора входит в пространство

семейных отношений, там можно говорить о кризисе последних [4, с. 342].

Таким образом, собственность, по Гегелю, безусловно, является ценностью. И является она ценностью постольку, поскольку отношения собственности указывают на более высокое содержание, чем обмен вещью или владение ею. Они указывают на свободу как на сущность бытия человека, обретающую свою конкретность в пространстве социальных отношений, а именно – в процессе взаимного признания субъектами друг друга в качестве субъектов свободы.

Но институт собственности при этом обнаруживает границы своего аксиологического потенциала, обнаруживает то, что собственность не является высшей ценностью. Ее аксиологический потенциал замыкается в области «абстрактного права». Этот аксиологический потенциал собственности ограничивают сферы морали и нравственности. Ведь только там свободная сущность человека проявляет себя во всей своей полноте, высвечивая при этом всеобщее содержание и уже тогда возводя на уровень ценности и отдельную личность, и институты гражданского общества, и само государство и право. Как представляется, именно это понимание ценностной природы правовых отношений, раскрытое в классической философии права, позволяет в полной мере осознать масштаб и значение современной эволюции российского права в направлении его постепенной аксиологизации [16].

Список использованных источников

1. Бромли Д. В. Права собственности: Локк, Кант, Пирс и логика волевого прагматизма // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2015. Т. 7. № 2 (16). С. 47–58.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия религии в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1977. 573 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977. 456 с.
5. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 178–187.
6. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики

права. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 376 с.

7. Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна: коллективная монография / под общ. ред. Д. В. Масленникова; Д. К. Богатырев, Л. В. Богатырева, Е. В. Бильченко и др. СПб.: РХГА, 2023. 682 с.

8. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / под ред. докт. юрид. наук С. И. Захарцева; И. А. Ананских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина, и др. М.: Юрлитинформ, 2020. 288 с.

9. Короткова О. А., Овчинникова И. А. Взгляды Джона Локка на частную собственность // Теория государства и права. 2020. № 3 (19). С. 115–124.

10. Лебедев И. Ю. Проблемы собственности в философии Нового времени в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка и Г. В. Ф. Гегеля // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 3 (108). С. 805–817.

11. Масленников Д. В., Простихин А. В., Бердников И. В. Бог и абсолют в «Науке логики» Гегеля: к вопросу о метафизическом и теологическом содержании немецкой классической философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 3-1. С. 47–59.

12. Масленников Д. В., Ревнов Б. А. Основная норма Г. Кельзена и ее естественно-правовое обоснование // Юридическая мысль. 2022. № 1 (125). С. 69–80.

13. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2024. 423 с.

14. Сальников В. П., Масленников Д. В., Прокофьев К. Г. Смысл различия в подходе И. Канта и И. Г. Фихте к задаче дедукции права и морали // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 4. С. 185–192.

15. Сальников В. П., Масленников Д. В., Жук А. С. Идея нравственно-правовых ценностей и идея государства в парадигмах кантовской и гегелевской философии (к вопросу о проблеме равенства абсолютных ценностей) // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 12. С. 186–192.

16. Сальников В. П., Масленников Д. В., Захарцев С. И., Морозов А. И. Конституционная реформа как реализация ценностного консенсуса общества // Поправки к конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства. Всероссийская научно-практическая конференция. Уфа, 2021. С. 227–238.

17. Сальников В. П., Масленников Д. В., Максимов А. А. Гегель о двуединой, абстрактно-конкретной, природе личности как субъекта права: естественно-правовые и теологические основания генезиса // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 44–58.

18. Сальников В. П., Масленников Д. В., Шкрум Д. В. Государство как «разумная жизнь самосознающей свободы»: философский и теологический аспекты в интерпретации Гегеля // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2 (68). С. 48–55.

19. Фихте И. Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М.: «Канон+», 2014. 392 с.

20. Фролова Е. А. Методология юридических наук: неокантианский подход // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 1. С. 18–34.

21. Schröder P. Naturrecht und absolutistische Staatsrecht – Eine vergleichende Studie zu Thomas Hobbes und Christian Thomasius. Berlin, 2001. 284 S.

References

1. Bromley D. V. Property Rights: Locke, Kant, Peirce and the Logic of Volitional Pragmatism. Research of the Faculty of Economics. *Electronic Journal*. 2015. Vol. 7. No. 2 (16). P. 47-58 [in Russ.].

2. Hegel G. V. F. Philosophy of Law. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 524 p. [in Russ.].

3. Hegel G. V. F. Philosophy of Religion in Two Volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1977. 573 p. [in Russ.].

4. Hegel G. V. F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1977. 456 p. [in Russ.].

5. Zakhartsev S. I., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. On the Importance of the Logical Form of Philosophy for Understanding the Nature of the Absolute in Law. *The World of Politics and Sociology*. 2018. No. 2. P. 178-187 [in Russ.].

6. Zakhartsev S. I., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2024. 376 p. [in Russ.].

7. The Idea of God and the Image of Theology in the Philosophical Discourses of Mature Modernism and Postmodernism: collective monograph. Edited by D. V. Maslennikov; D. K. Bogatyrev, L. V. Bogatyreva, E. V. Bilchenko, et al. St. Petersburg: RHGA, 2023. 682 p. [in Russ.].

8. The Idea of Freedom. Law. Morality (Classical and Postclassical Philosophy of Law): Monograph. Edited by Dr. of Law S. I. Zakhartsev; I. A. Ananskikh, I. N. Gribov, S. I. Zakhartsev, N. V. Zorina, et al. Moscow: Yurlitinform Publ., 2020. 288 p. [in Russ.].

9. Korotkova O. A., Ovchinnikova I. A. John Locke's Views on Private Property. *Theory of State and Law*. 2020. No. 3 (19). P. 115-124 [in Russ.].

10. Lebedev I. Yu. Problems of Property in the Philosophy of Modern Times in the Works of T. Hobbes, J. Locke and G. W. F. Hegel. *Issues of National and Federal Relations*. 2024. Vol. 14. No. 3 (108). P. 805-817 [in Russ.].

11. Maslennikov D. V., Prostikhin A. V., Berdnikov I. V. God and the Absolute in Hegel's Science of Logic: On the Issue of the Metaphysical and Theological Content of Classical German Philosophy. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2022. Vol. 23. No. 3-1. P. 47-59 [in Russ.].

12. Maslennikov D. V., Revnov B. A. The Basic Norm of G. Kelsen and Its Natural Law Justification. *Legal Thought*. 2022. No. 1 (125). P. 69-80 [in Russ.].

13. Political and legal governance and threats to state sovereignty: monograph / M. Yu. Gutman, S. I. Zakhartsev, N. V. Zorina [et al.]; under the general editorship of Doctor of

Law, Professor V. P. Salnikov. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: INFRA-M Publ., 2024. 423 p. [in Russ.].

14. Salnikov V. P., Maslennikov D. V., Prokofiev K. G. The meaning of the difference in the approach of I. Kant and I. G. Fichte to the task of deduction of law and morality. *Legal Science: History and Modernity*. 2018. No. 4. P. 185-192 [in Russ.].

15. Salnikov V. P., Maslennikov D. V., Zhuk A. S. The idea of moral and legal values and the idea of the state in the paradigms of Kantian and Hegelian philosophy (on the issue of the problem of equality of absolute values). *Legal Science: History and Modernity*. 2022. No. 12. P. 186-192 [in Russ.].

16. Salnikov V. P., Maslennikov D. V., Zakhartsev S. I., Morozov A. I. Constitutional reform as an implementation of the value consensus of society. *Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation. All-Russian scientific and practical conference*. Ufa, 2021. P. 227-238 [in Russ.].

17. Salnikov V. P., Maslennikov D. V., Maksimov A. A. Hegel on the dual, abstract-concrete nature of the individual as a subject of law: natural-legal and theological foundations of genesis. *The rule of law: theory and practice*. 2021. No. 3 (65). P. 44-58 [in Russ.].

18. Salnikov V. P., Maslennikov D. V., Shkrum D. V. The state as a “rational life of self-conscious freedom”: philosophical and theological aspects in Hegel’s interpretation. *The rule of law: theory and practice*. 2022. No. 2 (68). P. 48-55 [in Russ.].

19. Fichte I. G. The basis of natural law according to the principles of science teaching. Moscow: “Canon +”, 2014. 392 p. [in Russ.].

20. Frolova E. A. Methodology of legal sciences: neo-Kantian approach. *Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*. 2016. No. 1. P. 18-34 [in Russ.].

21. Schröder P. Natural and absolute law – a theoretical study of Thomas Hobbes and Christian Thomasius. Berlin, 2001. 284 p.

Поступила в редакцию 20.02.2025

Received February 20, 2025